

18+

ШАМИЛЬ ИШБУЛДИН

ПОКА ПРОСТО ДАЛЬШЕ

Шамиль Ишбулдин

Пока просто дальше

«Издательские решения»

Ишбулдин Ш.

Пока просто дальше / Ш. Ишбулдин — «Издательские решения»,

Главный герой получает известие о посылке от женщины, с которой был связан много лет назад. Но забрать её не успевает. Тогда он едет за коробкой через полстраны, сам не понимая, чего ищет на самом деле: послания из прошлого, второго шанса или причины не возвращаться домой. По дороге мир начинает едва заметно меняться. И чем ближе герой к своей цели, тем труднее понять, что ждёт его в конце пути: утраченная любовь, чужая тайна или жизнь, которую он когда-то не прожил.

© Ишбулдин Ш.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Одиссей	7
1	7
2	9
3	12
4	15
5	17
Глава 2. Одиссей	18
1	18
2	20
3	22
4	24
5	26
6	27
7	28
Глава 3. Одиссей	29
1	29
2	30
3	31
4	33
5	34
6	36
Глава 4. Одиссей	38
1	38
2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пока просто дальше

Шамиль Ишбулдин

© Шамиль Ишбулдин, 2026

ISBN 978-5-0070-7793-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта повесть писалась несколько месяцев, и её сюжет привёл меня туда, куда должен был привести. Об остальном судить не мне. Отдельная просьба к тем, кто хорошо меня знает: не надо слишком прямо примерять события и людей из повести к моему жизненному треку и к моим, прямо скажем, крайне многочисленным знакомым.

В этой книге все герои так или иначе являются преломлениями моего внутреннего «я» — моего опыта, памяти, страхов, нежности, самообмана, нарциссической акцентуации и прочего личного психического хозяйства. Прямых соответствий с живыми людьми здесь нет.

При этом никто из моих близких, друзей и знакомых не застрахован от того, что, описывая какую-то интонацию или упоминая жест, город, разговор или мелкую странность, я вдруг вспоминал именно его. Так что все совпадения непреднамеренны, всё очевидное — неочевидно, а невероятное — вполне вероятно.

Глава 1. Одиссей

1

Вообще-то я люблю аэропорты.

Особенно зону вылета. Там жизнь будто замирает, и ты оказываешься в «нигде» и в «никогда». На некоторое время становишься человеком в квантовой суперпозиции. Для всех своих друзей и знакомых ты находишься одновременно и в точке вылета, и в точке прилёта (а по факту, например, просто пьёшь кофе в аэропортовой кафешке).

Моменты прилёта я тоже люблю. Не всё же летать, когда-то надо и приземляться.

Только вот как раз сегодня я прилетел не в своё время суток. То есть с точки зрения расписания вполне себе вовремя, а с точки зрения организма — категорически нет. На табло середина дня, что-то около трёх, а внутри у меня поздняя ночь. Дальний Восток, бессонный перелёт, разница во времени... И вот я стою посреди суеты, глядя, как катаются на транспортёрах чемоданы, и прислушиваюсь к звону в ушах.

Когда-то в аэропортах свет был тёплым и желтоватым. Он превращал толпу в один общий фон, к которому можно было не присматриваться. Теперь из-за того, что свет стал белым и холодным, взгляд поневоле толпу препарирует: кто с кем, кто откуда, кто сколько не спал. И пуще того — разные люди, разная одежда, разные лица, а дорожная усталость одна на всех.

«Как долетишь — напиши».

Сообщение от жены пришло минуты за две до посадки, когда под крылом тянулись пригороды вперемишку с лесами, начинающими желтеть. Я дождался, пока самолёт остановится, и уже потом ответил обычным: «Мы приземлились. Всё ок». И на секунду показался себе автоответчиком.

Чемодан приехал быстро — мой верный спутник из глянцевого пластика с полустёртыми наклейками непонятной давности. Я поднял его с ленты, спина слегка хрустнула. До такси оставалось всего ничего — три десятка шагов по коридору. Дойти до стеклянных дверей и влиться в ленивую суету Города дождей с её выхлопами, шуршанием шин и вечным ветром с залива. Сегодня, кстати, дождя нет — и на том спасибо.

Тяну свой чемодан, слушаю, как он жалобно стучит колёсиками по плитке, и думаю только о двух вещах: душе — с ударением на «у», и горизонтальном положении, в которое нужно привести своё тело. Всё остальное — потом.

На автомате достаю телефон, чтобы вызвать такси. Экран вспыхивает синевой, пальцы находят нужное приложение. В этот момент наверху экрана всплывает уведомление: «Вам доставлена посылка №7183. Если вам всё понравилось, вы можете оставить отзыв, перейдя по ссылке...» — а дальше тянется подозрительно длинная ссылка с какой-то идиотской комбинацией букв и цифр.

Я хмыкаю. Новое изобретение жуликов: вместо «Вы выиграли айфон» теперь «Вам доставлена посылка». Логично. В халявный выигрыш уже никто не верит, а в службу доставки пока верят все. В голове автоматически сочиняется злой пост в соцсети про мошенников и карму, а палец сам тянется свайпнуть и удалить сообщение.

Чемодан цепляется колесом за чью-то ногу, я автоматически извиняюсь, человек в неожиданном для тёплого времени года пуховике кивает, не глядя. Гул голосов, сверху динамик что-то бормочет про «посадка завершена». Я поворачиваюсь к затемнённому стеклу, и оттуда на меня смотрит чуть расплывшееся отражение полужнакомого мужчины лет сорока с лишним. Как говорила одна моя подруга: «Это же надо за одну ночь так поизносить лицо».

Вообще-то это нечестно. Командировка — несколько дней, вычеркнутых из обыденности, маленькая параллельная жизнь. Непонятно, почему в ней стареет лицо, если настоящая жизнь всё равно остаётся по месту прописки.

Палец зависает над кнопкой «удалить».

Уведомление всё ещё висит, терпеливо напоминает: «Вам доставлена посылка».

Почему-то именно слово «доставлена» почти обижает. Как будто что-то действительно дошло до адресата. Только не до меня. Потому что в моей биографии посылки с важным содержанием и не только посылки стабильно уходят по другому адресу. Есть, знаете ли, устойчивая статистика.

Усмехаюсь самому себе, сворачиваю сообщение, не удаляя, и в этот момент телефон вздрагивает в руке и начинает звонить.

Сердце, как в старых фильмах, делает идиотский лишний удар, и в зале, полном людей и чемоданов, почему-то становится чуть тише.

На экране светится имя, которого я несколько лет не видел: «Кира».

2

Я не сразу понимаю, что это не ошибка. Что это действительно она, а не глюк, не совпадение имён в записной книжке.

— Алло, — говорю я, и голос звучит более хрипло, чем хотелось бы.

— Привет, — отвечает она. Полузабытый голос, который я узнаю сразу. Тёплый и мягкий. — Как ты?

Тот самый заход, с которого начинались все её звонки когда-то. «Привет, как ты?» — как пароль к отдельной реальности, в которой мы существовали некоторое время.

Я молча машинально выбираюсь из потока людей к окну. За стеклом, загораживая половину вида, тянется тень от эстакады, выше серо-голубое сентябрьское небо без особых усилий изображает хорошую погоду. По ближнему перрону медленно ползёт сине-белый автобус, чуть дальше под эстакадой на остановке для такси поблёскивают на тёплом осеннем солнце бело-жёлтые и жёлто-зеленые машины.

Лёгкий звон в ушах и ощущение, что картинка за стеклом не для меня.

— Нормально, а ты? — спрашиваю я и сам понимаю, насколько это глупый вопрос после нескольких лет абсолютной тишины.

— Нормально, — автоматически отвечает она. На секунду в её голосе мелькает та старая, забытая мягкость, как будто она и правда просто позвонила «как раньше». Но почти сразу слышно, как она вспоминает, зачем набрала номер, и её голос собирается, натягивается, как струна.

— Слушай, Дис. Я тебя отвлеку всего на минуточку.

Я открываю рот, чтобы сказать, что мне некуда торопиться и пусть будет не «минуточка», но не успеваю.

— Собственно, я... хотела сказать, что, наверное, пусть на этом будет — «всё!», — говорит она ровно. — Нам не нужно больше общаться, пересекаться, созваниваться. Вообще. Никогда. Никогда-никогда.

Я молчу. В груди что-то неприятно проваливается, но снаружи это, скорее всего, никак не заметно.

— Кира, — говорю я через секунду. — Ты для этого позвонила спустя... сколько? Пять лет? Мы же и так не общаемся.

— Чуть меньше пяти, — автоматически поправляет она. — Не только для этого. Я отправила тебе их.

— Кого? — не понимаю я.

— Письма, — говорит она, и тут в её голосе впервые появляется какая-то жизнь. — Все. Боже, ты не знаешь... Я же писала тебе. Всё это время.

Я улыбаюсь — сначала как в ответ на шутку.

— Кира, — говорю. — Ты всегда говорила, что не любишь посылать письма и никогда не станешь этого делать. Что разговаривать надо вживую, а не бумажками перекидываться.

— Да, — соглашается. — Так и говорила. Я не люблю писать письма. Но это не мешает мне их писать. Я получала твоё письмо и садилась писать ответ. На каждое. Просто... не отправляла.

Телефон тяжелеет в руке. Я перекладываю его из одной ладони в другую, как будто дело в этом.

— Подожди, — говорю. — Какие письма? Я же их... не получал.

— В этом и идея, — вздыхает она. — Ты и не должен был их получать. Это был мой способ с тобой общаться, не общаясь. Я писала письмо, бросала его в коробку и жила дальше.

Она коротко смешно фыркает, но без особой радости:

— Удивительно, что я ни разу об этом не проговорила...

Удивительно, да. Мы встречались недолго, зато «виртуальная» связь у нас растянулась на годы. В эпоху, когда мессенджеры окончательно убили эпистолярный жанр, я продолжал цепляться за бумагу. Если уж наш роман так и не произошёл, пусть хотя бы конверты будут материальными. Меня даже не особенно обижало, что она никогда не отвечала. Просто так сложилось, что тут обсуждать. А получается, отвечала. Письмо в ответ на письмо, с ума сойти.

Мы не общались уже лет пять, а до этого было несколько лет односторонней переписки. Сколько моей жизни уместилось в этой коробке, даже боюсь представить.

Облокачиваюсь плечом о стойку у окна. Ремень сумки с ноутбуком режет плечо, я машинально перехватываю его, ощущая холод металла пряжки.

— И что с коробкой? — спрашиваю. Голос звучит почти спокойно, и это даже раздражает.

— Прятала, — отвечает она. — В гардеробной, на верхней полке. Чтобы никто не нашёл. Особенно Максим. Потом обмотала скотчем и унесла в кладовку. Потом...

Она впервые запинается, и по паузе слышно, что ей это неприятно проговаривать.

— Несколько дней назад я поняла, что устала, — говорит Кира. — Не от тебя даже. От того, что ты где-то есть. Как фон. Мы с тобой уже ничего не значим друг для друга, а ты всё равно присутствуешь в моей жизни. Это... лишнее.

Она делает вдох.

— Поэтому я решила закрыть эту историю. Для себя. И отправила тебе коробку. Твои письма и мои. Всё, что было.

— Куда отправила? — спрашиваю я. — Я ничего не получал.

— Я сначала хотела отправить её тебе домой, — спокойно отвечает она. — Позвонила твоей Пенелопе, спросила адрес. Она сказала, что дома тебя нет, и что она сама сейчас не в городе — уехала на море. И ещё сказала, что ты сегодня прилетаешь и, возможно, сразу полетишь к ней. Тогда я решила сделать проще: заказала курьера в аэропорт. Скинула ему твою фотографию. Он должен был найти тебя и передать посылку.

У меня в горле пересыхает.

— Я не получал никакой посылки, — повторяю я. — Мне пришло только какое-то смс от доставки. Я думал, спам. Никаких коробок здесь нет.

На том конце провода наступает короткая, очень понятная пауза. Я прямо слышу, как она прикусывает губу.

— Ты сейчас серьёзно? — спрашивает она. — Это не попытка... ну, потянуть время, всё обсудить, что-нибудь такое?

— Я стою у окна, — говорю я. — В аэропорту. С одним чемоданом. Больше у меня ничего нет.

Она тихо выдыхает. Голос становится жёстче, как будто она дополнительно собралась с силами.

— Окей, — говорит Кира. — Значит, курьер облажался. Значит, кому-то очень повезло получить бесплатное психологическое чтение.

Пауза.

— Ну... значит, так надо, — добавляет она. — Честно, у меня больше не было сил держать это у себя дома. И в себе тоже.

— Подожди, — говорю я. — Что значит «так надо»? Я вообще ни сном ни духом, что ты...

— Слушай, — перебивает она. — Я правда не хочу сейчас устраивать разбор полётов. Я тогда делала, что считала правильным для себя. И сейчас сделала то, что посчитала правильным. Тебе, возможно, тоже когда-нибудь надо будет это сделать. Или нет. Это уже не моя зона ответственности.

Словосочетание «моя зона ответственности» звучит так неуместно, что мне хочется усмехнуться. Но не получается.

— Кира...

— На самом деле, — говорит она уже мягче, — спасибо тебе. За эти письма. Они были... важной частью моей жизни. Но я не готова больше быть фоном в твоей жизни. И не хочу, чтобы ты был фоном в моей.

Она делает ещё один вдох, и я чувствую, как у меня начинают слегка дрожать пальцы.

— В общем, — продолжает она, — если курьер перепутал, значит, так и должно быть. Не ищи меня, ладно? Давай правда... на этом всё.

— Подожди, — повторяю я. — Можно хотя бы...

Гудки пошли почти сразу, как будто она нажала «отбой» ещё до того, как я договорил. Я какое-то время стою с телефоном у уха, слушаю этот тупой, однообразный сигнал, который ничем не отличается от того, что гудит сейчас у меня внутри.

Пытаюсь перезвонить. Первый раз — занято. Второй раз — уже просто «абонент разговаривает или временно недоступен». На третьей попытке я сам сбрасываю вызов. Нет так нет.

Экран гаснет, потом снова вспыхивает. Наверху вылезает знакомое уведомление: «Вам доставлена посылка №7183...»

3

Смс висит на экране, как насмешка. «Вам доставлена посылка...»

Ну да. Конечно. Куда же ещё ей деться.

Я разворачиваю уведомление, нажимаю на ссылку. Открывается стандартный сайт доставки, привет из цифрового мира, где всё якобы логично. Номер заказа, статус: «доставлено получателю». Ни тебе имени, ни подписи, ни фото. Просто галочка в системе. И мир уже считает вопрос закрытым.

Ни фиги.

Я нахожу внизу крошечную строку «остались вопросы? позвоните», жму на номер.

Сначала, естественно, робот. Голос женщины, лишённый пола, возраста и признаков сочувствия:

— Для улучшения качества обслуживания ваш разговор может быть записан... Если вы хотите узнать статус вашей посылки, нажмите один. Если вы хотите...

Я нажимаю всё, что можно, по очереди, пока не попадаю на живого человека. Мужской голос, усталый, но вежливый:

— Служба доставки, меня зовут Антон, чем могу помочь?

— Здравствуйте, Антон, — говорю я. — У меня тут любопытный случай. Система считает, что посылка доставлена, а я так не считаю.

Я диктую номер. Антон что-то стучит по клавиатуре, сопит в трубку.

— Так... Посмотрим... Да, действительно, статус: «доставлено». Сегодня, пятнадцать ноль семь, Город дождей, аэропорт, зона прилёта. Под подпись.

— Прекрасно, — говорю я. — А чья подпись?

Пауза.

— Хмм... — говорит Антон. — У нас тут написано «получатель лично». Без расшифровки.

Он делает ещё пару щелчков по клавиатуре.

— Вы хотите связаться с курьером?

— Я хочу, чтобы мне вернули здоровенный кусок моей жизни... Но можно начать и с курьера, — говорю я. — Да.

Я опускаюсь на металлическое сиденье у окна, локти на коленях, телефон у уха. Чемодан ставлю рядом, той стороной, где наклейка, к себе. Холод сиденья пробивается через ткань брюк, висок начинает тихо пульсировать.

— Оставайтесь, пожалуйста, на линии, — говорит Антон. — Я сейчас попробую до него дозвониться.

Музыка в трубке. Дурацкий джаз. Смешно, конечно: пока я сижу и слушаю саксофон, где-то по стране путешествует коробка из моей прошлой жизни.

Через пару минут возвращается Антон:

— Я соединю вас с курьером, — говорит он. — Оставайтесь, пожалуйста, на линии, его зовут Руслан.

Щёлк — и в ухо льётся новый голос, молодой, немного сбивчивый:

— Алло, добрый день, это Руслан, курьер. Слушаю вас.

— Здравствуйте, Руслан, — говорю я. — Это тот самый человек, которому вы сегодня в аэропорту не доставили посылку.

Он нервно смеётся:

— В смысле «не доставил»? Я всё доставил, честно.

— Давайте начнём с того, как это было, — говорю я. — Вы пришли в аэропорт. Дальше?

— Ну, — говорит Руслан, — как и просили: я подошёл к справочной, попросил объявить по громкой связи, назвал ваши фамилию и имя. Сказали, что вызов сделали. Минут через пять подходит мужчина. В красной куртке. Ну прямо одно лицо с тем фото, что заказчица прислала. Я ещё подумал, что вы очень на себя похожи.

Я закрываю глаза. Висок отзывается болью.

— В красной куртке, — уточняю я. — И один?

— Один, да, — отвечает Руслан. — С чемоданом таким... серым, на четырёх колёсиках. Он подошёл, назвал вашу фамилию, сказал, что торопится, но давайте быстрее оформим. Выглядел... ну, уверенным, хотя немного нервным. Как человек, который чуть-чуть опаздывает.

Надо признать, портрет начинает неприятно совпадать с моим собственным.

— Дальше? — спрашиваю.

— Я попросил его паспорт, он сказал, что паспорт в чемодане, но давайте без этого. Я ещё посмотрел на фото, а он — с фото. Ну и... формально, — Руслан чуть понижает голос, — формально я, конечно, должен был настоять. Но аэропорт, шум, народу много, он говорит, что у него ещё регистрация... Короче, я выдал ему посылку.

Я представляю, как это выглядит со стороны: мужчина в красной куртке, чем-то похожий на меня, открывает свой чемодан, аккуратно кладёт туда коробку с письмами. Как будто пересаживает сердце в чужое тело.

— При вас он открывал чемодан? — уточняю.

— Ага, — подтверждает Руслан. — Открыл, положил аккуратненько, закрыл. Сказал, спасибо, всё супер, и пошёл.

— И всё? — спрашиваю я.

— Ну... — говорит он, помедлив. — Не совсем.

Он шумно выдыхает, как человек, который собирается признаться в том, что мог бы и не рассказывать.

— После этого я пошёл за кофе. Там как раз эта, стойка... «Кофе-вам» или что-то похожее. Взял себе латте, сел немного отдохнуть. И вижу: этот ваш... ну, как вы... в красной куртке стоит на регистрации на рейс. В Столицу. Это я точно запомнил — у меня друг там живёт, я ещё подумал, что надо бы как-нибудь и самому слетать.

— Чемодан он сдавал? — спрашиваю.

— Да, — вздыхает Руслан. — Чемодан я видел. Тот самый. Он его сдал в багаж, потом взял какой-то чек, пошёл к выходу. Я ж не думал, что мне надо за ним следить, понимаете? Для меня работа была закончена.

В общем-то, формально он прав. Формально.

— То есть, — подытоживаю я, — вы объявили по громкой связи, к вам подошёл человек, похожий на фото, сказал мою фамилию, забрал коробку, положил её в свой чемодан, сдал чемодан в багаж и улетел куда-то. А я стою в аэропорту без коробки, но с большим количеством вопросов.

— Я... — говорит Руслан и на секунду замолкает. — Я понимаю, как это звучит. Это мой косяк, конечно. Но если по-человечески смотреть, я сделал всё, как... как было сказано. Мне фото перекинули — по фото я и выдал. Я даже расписался за вас, если честно. Ну, чтобы вам потом проще было.

Где-то в глубине меня поднимается какая-то странная, подростковая злость на это «сделал, как было сказано». Но она перекрывается другим ощущением, почти смешным. Как будто кто-то срежиссировал неудачный спектакль, в котором ты в главной роли, но сценарий тебе не выдали. Забыли.

— Ладно, Руслан, — говорю я неожиданно спокойным голосом. — Давайте будем считать, что это... эксперимент вселенной. Я не снимаю с вас вины, но и убивать вас не поеду.

Он тихо хмыкает.

— Я правда извиняюсь, — говорит он. — Если бы я знал, что это так важно...

Важно ли?

Я смотрю на своё отражение в стекле. На фоне серого неба мне вдруг довольно отчётливо представляется он — этот человек в красной куртке. Яркое пятно в толпе, чуть нервный, но уверенный. Человек, который не дожидается, пока к нему придёт прошлое. Он забирает его сам и несёт дальше.

— Скажите, — спрашиваю я, — вы не помните, который у него был вылет?

— Сейчас, — говорит Руслан. — Я не помню номер рейса, но, по-моему, где-то ближе к вечеру.

Пауза, шуршание.

— Да, точно. Около шести. Я смотрел на табло, думал, успею ли я домой до пробок.

— Понятно, — говорю я. — Спасибо.

Мы прощаемся. Я кладу телефон на колено, какое-то время просто сижу.

Письма. Все эти годы. Коробка, перелетевшая полстраны, чтобы встретиться со мной, и улетевшая куда-то с моим двойником в красной куртке. Если бы я читал это в книге, я бы сказал, что автор переборщил с символизмом.

Я поднимаю глаза на табло вылетов. По диагонали от меня мигает строка: рейс в Столицу, вылет — 18:05. Регистрация открыта. Посадка через час с небольшим.

Ну, конечно.

Я же не могу просто поехать домой, как нормальный человек.

4

Билет я купил, пока шёл по коридору в сторону зоны вылета.

Просто достал телефон, ткнул на «Купить билет», «Город дождей — Столица», ближайший рейс через полтора часа, свободные места есть. Оплатил, получил подтверждение, сунул телефон в карман. Всё делалось с той отстранённостью, с которой покупают кофе в автомате или успокаивают себя в момент происходящей в жизни фигни: «ну просто лечу куда-то, не более того».

Убрал телефон в карман, прошёл несколько шагов на автопилоте, потом достал снова. Первый номер в списке «избранные» — Пенни. Нажал «вызов».

— Привет, — сказала она сразу, без паузы. За её спиной шумело что-то живое: голоса, далёкий прибой, и ещё какой-то мужской речитатив — продавец что ли, — который она явно не замечала. — Ты где?

— В аэропорту. Слушай... как ты?

— Роскошно, — усмехнулась она. — Очень живая и очень здоровая. — Потом, вполголоса, явно не мне: — Нет, Света, не хочу, спасибо. — И снова нормально: — Только что пришли на пляж. Ты это сейчас, конечно, не так просто так спросил? Тебя пока не ждать?

Я перевёл взгляд на табло, будто его буквы могли подсказать правильный ответ.

— Кира мне позвонила.

В трубке хмыкнули. Не удивлённо — скорее так, как хмыкают, когда слышат то, чего ждали, но всё равно не хотели.

— Мне тоже, — сказала жена. — Вчера днём. Спросила, как тебя найти. Я сказала, что ты в командировке и что сегодня прилетаешь. — Пауза, шуршание — она, кажется, поднялась с лежака. — Что случилось?

— Она отправила мне посылку. Старая история. Ну, ты знаешь.

— Старая, — повторила жена, и по тому, как она это сказала, стало ясно: ей не очень хочется, чтобы «старая история» как-то проявилась опять.

— Короче, я не получил посылку. Курьер всё перепутал, и посылка пытается от меня сбежать в чемодане какого-то незнакомого мужика.

Пенелопа немного помолчала. Со стороны моря ветер донёс что-то — возможно, смех, возможно, просто крик чайки. Потом она сказала, ровно:

— Между вами сейчас ничего нет?

— Ничего, — сказал я. — Это давно в прошлом. Но... мне бы не хотелось, чтобы кто-то рылся в этом прошлом вместо меня.

— Ты собираешься догнать посылку?

— По ощущениям, надо это сделать, — сказал я и сам услышал, как странно это звучит. От других я бы такое объяснение не принял.

Она вздохнула — коротко, почти беззвучно. За её спиной продавец снова завёл свою скороговорку про чурчелу, и я представил себе, как Пенни отмахивается от него, чтобы не мешал.

— Ладно. Делай, как считаешь нужным. Только, пожалуйста, делай это, понимая, что именно ты делаешь.

— Я, как всегда, плохо представляю себе результат, — признался я. — Но мне кажется, что так будет правильно.

— Хорошо, — сказала она. — Удачи. И надеюсь, когда ты вернёшься, у тебя хватит смелости рассказать мне всё человеческим языком. Не «потом» и не «как-нибудь». А нормально, по-человечески.

— Хватит. Обещаю, — сказал я, и мы попрощались.
Я убрал телефон. Пляж исчез.

5

Регистрация, досмотр, ожидание в зале — всё как в фильме, который уже смотрел много раз. Только внутри висит звон, не утихающий с того самого момента, когда она сказала: «На этом всё». Звон в ушах, в голове, в груди. Как будто что-то не завершилось, а зависло в воздухе, и теперь это надо догнать. Или хотя бы увидеть своими глазами.

Я прохожу в салон, ищу своё место у окна. Борт почти полный, вокруг усталые, спящие, сосредоточенные на себе люди. Кто-то зевает, кто-то заталкивает чемодан на багажную полку, кто-то уже читает. Тускловатый свет, в котором всё сразу превращается в полусон.

Я сажусь, пристёгиваюсь.

Взлёт. Звук двигателей, лёгкий толчок, и вот мы уже отрываемся от полосы. Давление в ушах, вибрация в кресле, свет из иллюминатора резко меняется. Теперь там город и сетка дорог, растянутая среди пока ещё зелёных парков. Кто-то внизу едет домой. А я — нет.

Достаю телефон снова, включаю авиарежим, открываю заметки. Листаю. Где-то в самом низу нахожу черновик пятилетней давности. Начатое письмо. Я его не дописал тогда.

«...и вот это самое дурацкое — что ты можешь молчать сколько хочешь, а я всё равно буду писать. Потому что, пока я пишу, ты как будто есть. Не где-то, не с кем-то, а у меня, вот здесь. Может быть, я таким способом существую для себя тоже. Но ты — в первую очередь. И да, мне важно, чтобы ты когда-нибудь это прочитала. Хотя бы кусочек. Хотя бы случайно.»

Я гашу экран, нажав на кнопку. Мне не хочется дочитывать. Сейчас всё стало уже другим. Она читала. Всё это время.

Смотрю в иллюминатор. В отражении — моё лицо, чуть искажённое.

«А ты уверен, что вообще хочешь знать, что она писала?»

Нет, не уверен. Но всё равно лечу.

А если там, в коробке, нет ничего такого? Если я тогда придумывал себе роман, которого не было? Или, что ещё хуже, если он был, но только у меня?

Самолёт проваливается в облака, и за стеклом серая хмурая, которая заканчивается на подлёте к городу. Ниже — мокрые крыши, тени улиц.

Сцена, на которой уже расставлены декорации, остаётся только на неё выйти.

Глава 2. Одиссей

1

Нынче всё наоборот: если Город дождей встретил меня солнцем, то этот город — моросящим дождём, влажным теплом и полным ощущением, что всё, что происходит, происходит не с тобой.

Особенно это чувство усиливается, когда ты ещё не вышел из здания аэропорта, а уже видишь того, кого ищешь — мужчину в красной куртке.

Я вижу его через стеклянную стену аэропорта. Он стоит у перрона такси, рядом — чемодан. Тот самый. На мгновение мужчина поворачивает голову в профиль, и — да, похож. Чересчур похож.

Потом подъезжает машина, и он садится в неё.

Я бросаюсь вперёд, почти ударяюсь плечом о вращающуюся дверь.
Успеваю заметить на жёлтом боку машины номер — цифры: 9-5-6.

Тяну из кармана телефон, вылетаю на улицу, заказываю такси.
«Время ожидания 10 минут». Чёрт!

Нормальный человек в такой ситуации позвонил бы в полицию или дождался такси. Но я решил на звание нормального не претендовать.

От ближайшего столба отъезжала частная машина — не такси. Солидный мужчина в твидовом пиджаке, сидящий за рулём, разговаривал с кем-то по телефону.

Я подбежал и шлёпнул ладонью по стеклу пассажирской двери.

— Машина. Срочно. Надо догнать.

Он поднял глаза. Молчит. В его взгляде было именно то, что я заслуживал: человек с чемоданом, который стучит по чужому стеклу и говорит «надо догнать».

— Я заплачу, не вопрос. Вон то такси, только надо быстро. Я должен их догнать.

Он пожал плечами и махнул рукой: садись.

Я открыл заднюю дверь, забросил на сиденье портфель и чемодан, втиснулся следом. Только когда дверь захлопнулась, дошло, насколько это странно выглядит со стороны: незнакомый человек с помятым лицом врывается в чужую машину, и никакого разумного объяснения происходящему, кроме «надо догнать».

Водитель повернулся, посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на дорогу. Молча кивнул. Машина рванула с места.

Я захопываю дверь, пристёгиваюсь на ходу. Салон пахнет дорогой кожей и хорошим парфюмом.

Мы выезжаем с территории аэропорта, и на ближайшем повороте я снова вижу ту машину. Та же, номер заканчивается на 9-5-6. Она поворачивает направо, мы за ней. На первом светофоре почти догоняем, но — красный. Он уходит.

— Можно чуть быстрее? — прошу я.

— Если пробок не будет, — отвечает водитель и прибавляет газу.

Мы мчимся через полупустой город. Мокрый асфальт отражает фары встречки и красноту «габаритов» впереди.

Красная куртка мелькает в заднем стекле той машины.

Мой двойник всё время чуть-чуть впереди.

К следующему светофору мы почти их догнали. Но они опять проскакивают на мигающий зелёный, а нам вспыхивает красный, и мы останавливаемся. Опять.

На следующем перекрёстке поворот. Впереди машина притормаживает.

Я чувствую сухость во рту, как перед экзаменом. Горло перехватывает, ладони становятся влажными. Ремень безопасности впивается в грудь.

Опять красный светофор. Отсюда видна парковка у гостиницы. Машина с мужчиной в красной куртке подъезжает к навесу. Он выходит, расплачивается, забирает чемодан. Входит в высокую дверь.

— Остановите, пожалуйста, у отеля, — прошу я.

Мы подъезжаем, машина притормаживает. Я протягиваю водителю пяти тысячную купюру. Он качает головой и произносит первые слова за всю нашу поездку:

— Это было очень... волнительно. Денег я с вас не возьму, но пообещайте, что, когда вы его догоните, вы непременно позвоните мне и расскажете всю историю. Я очень любопытен.

Суёт руку в карман, достаёт визитную карточку и протягивает мне.

Машинально беру карточку той же рукой, в которой зажата купюра, киваю.

— Спасибо огромное! Обязательно... — и выхожу на улицу, вытягивая за собой чемодан и портфель.

Вбегаю в отель.

Вот он — мой шанс.

2

Гостиница была одной из тех, что по нынешним временам можно назвать «в пределах разумного». Стекло, хром, чуть мрамора и потёртый ковролин, который должен создавать уют, но создаёт только ощущение затоптанности. Отель, в котором никто не хочет жить — все только ночуют.

Я вбегаю внутрь, сквозняк из открытых дверей холодит спину. Мужчина в красной куртке только что был здесь. Я краем глаза будто уловил его движение. Но, судя по стрелке, лифт едет вверх.

Я опять не успел.

Подхожу к ресепшену. За стойкой — молодая женщина в форме, с бейджем и таким пустым лицом, что, когда всех портье поменяют на роботов, её почти наверняка оставят тут работать.

— Добрый вечер, — говорю. — Не подскажете... Я ищу брата. Близнеца. Он только что зашёл. В красной куртке. Очень на меня похож. Правда.

Она поднимает глаза. Моргает.

— Простите, но без согласия гостя я не могу предоставить информацию о номере.

— Он правда мой брат, — добавляю я. — Мы просто давно не виделись. Я приехал из Города дождей, буквально следом за ним. Мне просто нужно понять, он здесь?

Она машинально кивает, потом спохватывается.

— Простите. Политика отеля.

Я улыбаюсь. Вежливо. Потому что злиться на неё — всё равно что злиться на табличку «не курить».

— Ладно, — говорю. — Спасибо.

Отступаю и усаживаюсь в мягкое кресло у окна, от которого просматривается весь холл гостиницы. Рядом — журнальный столик с какой-то устаревшей глянцевої прессой и вазой с сухими цветами.

Сижу. Жду.

Один мужчина выходит из лифта — не он. За ним пара, громко переговариваются, смеются. Не он. Снова пустота.

Проходит минут десять. Я уже не притворяюсь, что смотрю в телефон. Просто сижу и дышу гостиничным воздухом в ожидании... Кого?..

Подходит пожилой охранник. Не агрессивный. Скорее усталый. Сунул руки в карманы, чуть наклонил голову, смотрит на меня, как на человека, который теоретически может оказаться проблемой, но пока просто повод отвлечься от рутины.

— Извините, — говорит он. — Вы у нас не зарегистрированы?

— Пока нет, — говорю. — Ожидаю брата. Он...

— В красной куртке? — перебивает охранник, с лёгкой усмешкой. — Уже говорили. Дело ваше, конечно. Но если вы не гость, то попрошу вас покинуть лобби. Всё-таки у нас не вокзал. Вот и всё. Мир всегда рано или поздно возвращает тебя к правилам. Даже если ты гонишься за прошлым, на ночь тебе нужен номер.

— Ладно, — говорю. — Я заселюсь.

Охранник кивает. Без злорадства, просто констатирует факт.

Я возвращаюсь к стойке, выбираю самый простой тариф. Паспорт, бланк, подпись, ожидание. Портье протягивает мне пластиковый прямоугольник.

Ключ-карта тёплая и чуть влажная от её пальцев.

— Завтрак — с семи до одиннадцати, — говорит девушка с бейджем. — Лифт налево, ваш этаж — пятый.

— Спасибо, — отвечаю.

Ремень сумки снова давит на плечо. В следующий раз надо брать в командировку рюкзак.

Я разворачиваюсь, иду в сторону лифта. И мимоходом бросаю взгляд в сторону бара. Там, на фоне полумрака и освещённой стойки, вижу две пары. Слишком громкие, слишком весёлые. Один из мужчин с бокалом жестикулирует чересчур активно, одна из женщин откинулась назад, смеётся, другая смотрит в сторону, скучая.

Я провожу по ним взглядом и иду дальше.

Не знаю почему, но в голове вдруг проносится: а если коробка с письмами сейчас будет буквально за стенкой? Или в номере этажом выше? Или на три двери левее?

Придётся ждать. Будет утро, будет завтрак, на который придётся выйти пораньше. И, если повезёт, там объявится мужчина в красной куртке. Человек, слишком похожий на меня.

3

Я спустился в бар просто потому, что не знал, куда ещё себя деть. Да и поесть давно было пора. На часах было уже без двадцати двенадцать, живот напоминал о себе глухим урчанием, а голова — звонким ничем. Сколько я не спал? Уже больше суток.

Письма, красная куртка, чемодан, эта внезапная гостиница в городе, где я привык бывать совсем по другому поводу — всё выстроилось в какую-то абсурдную мозаику. В общем, сейчас я хотел еды и чего-то, на чём можно удержать внимание, чтобы не заснуть.

Лобби-бар встретил меня, как и полагается таким местам: полутьмой, тихим гулом голосов и запахами, в которых перемешались алкоголь, выпечка, женские духи и общая усталость.

Я занял столик у стены. Бармен — молодой, с невыразительным лицом, как будто тоже решил конкурировать с роботами за свою работу, молча принёс меню, потом — тёплый чай в стеклянной чашке и какой-то сэндвич. Не особенно вкусный. Но сейчас мне не обязательно было вкусно. Просто хоть что-то.

За два стола от меня сидели они. Две пары, разговаривавшие чуть громче, чем положено. Та фаза совместного отдыха, когда всё ещё делают вид, что им весело, хотя за этим весельем уже прячется усталость и пятый по счёту бокал на брата.

Но телевизора в баре нет, поэтому я всё-таки решил «погреть уши» у соседей.

— Ирочка, не будь такой чувствительной, — говорит один из мужчин. — Ты же знаешь, что он так шутит.

Ирочка делает глоток вина, отводит взгляд в сторону, её пальцы чуть заметно дрожат.

— Арик у нас вообще мастер по части тонкого юмора, — говорит она. Голос ровный, но на пару градусов холоднее, чем мог бы быть в нормальных условиях.

С другой стороны стола ей отвечает подруга.

— Ой, ну не начинайте опять! Аристарх, ну чего ты?

Арик, сидящий рядом с Ирочкой, смотрит на неё и кивает.

— Не начинаем, Лена, — повторяет он с каким-то чрезмерным нажимом в голосе. — Пятнадцать лет дружим, каждый отпуск — одно и то же.

Он смеётся. Смех у него громкий, хорошо поставленный, но не очень добрый.

— Не каждый, Арик, не преувеличивай. В прошлом году всё было прекрасно. Пока Ира не перепутала шезлонги.

А второй мужчина, которого они называют Славиком, смотрит на Ирочку слишком долго.

И она смотрит на него. Прямым и цепким взглядом, в котором та самая искра, от которой портятся дружбы, браки и совместные отпуска.

Я сижу, делаю глоток чая. Тепло разливается в горле, но внутри не греет.

За несколько минут становится понятна конфигурация. Ирочка — жена Аристарха. Лена — жена Славика. А Ира со Славиком уже либо «да», либо почти.

И это знают все четверо.

Идёт старая как мир игра. Полунамёки, колкости, шутки «только для своих». Но лица у всех напряжённые. А глаза — пьяные. Лена улыбается слишком лучезарно. Ирочка слишком скромно. Аристарх слишком активен. А Славик вообще не участвует в разговоре, но при этом не отстранён, а как бы всегда рядом.

Я делаю вид, что читаю что-то в телефоне. На самом деле просто слушаю.

Как мужчина объясняет чужой женщине, что «она была круче всех тогда в клубе». Как она говорит, что «да ну, глупости», но говорит это с такой привычной нежностью, что становится понятно: ещё и не такие глупости были.

Ирочка делает ещё один глоток. Краем глаза я вижу, как она проводит пальцем по краю бокала. Кольца у неё нет. Или она сняла.

Славик заказывает ещё по бокалу. Бармен приносит. Круг замыкается. Тост звучит за «дружбу, которая переживёт всё».

Я смотрю на них и вдруг понимаю, что всё это где-то уже видел. Не дословно, не этих людей, но саму сцену. Сюжет. Слишком понятный, слишком банальный.

Перекрёстные взгляды, обиды, которые не проговариваются, и желание разрушить себя и других, просто чтобы хоть что-то почувствовать.

Очень по-человечески и очень больно.

И главное — очень знакомо.

Я рассчитываюсь и допиваю чай. Сэндвич остался почти нетронутым.

Они поднимаются одновременно со мной. Смеются, что «опять собирались лечь пораньше, и опять — за полночь», что «завтра рано вставать». Лена берёт Славика под руку. Аристарх идёт чуть впереди с Ирочкой. Она не касается его.

Мы подходим к лифту вместе.

Внутри — зеркала. Обе пары в отражении. Я между ними.

На пятом этаже выходим вместе. Они поворачивают налево. Я тоже.

Всё-таки плохо путешествовать, не выспавшись. Только когда от ключ-карты щёлкает замок, я понимаю, что их номера расположены по обе стороны от моего.

4

Душ немного помогает. Не столько физически, сколько ритуально. Горячая вода смывает чужие голоса, чужую игру, чужие взгляды. Я стою под напором, закрыв глаза, слушаю, как вода стекает по телу, и думаю: вот сейчас надо просто лечь, закрыть глаза и выключиться.

Вытираюсь, надеваю гостиничный халат, выключаю верхний свет, оставляю только прикроватный. Падаю на матрас. Простыни хрустят. Боже, отели я люблю не меньше, чем аэропорты, но как-то их слишком много в последнее время.

Минут через пять начинается «реалити-шоу «За стеной». Точнее, за двумя.

Сначала слева. Глухой мужской голос на повышенных тонах. Аристарх.

— ...ты правда думаешь, я не вижу?! Он же тебе не просто нравится, ты же с ним спишь, да?

Ответа не слышно. Или она говорит тише, или не говорит ничего.

Потом — справа.

— Ну почему ты мне не веришь, Лен? Не нужна она мне, понимаешь? И это же твоя идея была — опять вместе с Ариком и Ириной ехать. Сама ж придумала...

Лена:

— Господи, ну почему всё время ты мне врёшь? Славик, скажи, почему? Ты же спал с ней, скажи?

— Не спал я, — как-то механически не соглашается Славик. — И не нравится она мне совсем, я всегда тебе говорил...

Я морщусь. Не из-за её крика, а из-за вот этого его «не нравится», «всегда говорил». Даже если ты врёшь, ври с достоинством. Не становись эхом чужих обид, особенно если ты любишь ту, про кого сейчас говорят гадости.

Слева вдруг доносится вскрик. Потом — звук, как будто что-то уронили.

Я пытаюсь заснуть. Честно пытаюсь. Но стены в отеле тонкие, как фанера. А чужие разборки всегда кажутся громче, чем есть на самом деле.

Стук в дверь. Лихорадочно-настойчивый. Звук такой, будто по двери колотят открытой ладонью. Я встаю, открываю, и влетает она. Ирочка.

Халат расстёгнут, босиком, глаза — заплаканные и безумные. Она буквально сбивает меня с ног, влетает внутрь и кричит:

— Не трогай меня! Мне просто надо... просто...

Следом — Аристарх. В брюках и майке, лицо перекошено от злости.

— А, значит, вот ты где! Ну, давай теперь обсудим всё при свидетелях!

— Вон отсюда, — говорю я и встаю между ними. — У меня ночь, я в ваших ролевых играх не участвую.

— Сам же её впустил? — орёт он. — Вот сам и прогоняй!

Пытаюсь выдавить его обратно в коридор, но тут как по сигналу появляются Лена и Славик.

Все оказались в одной комнате. Я — опять в центре.

Ирочка сжалась в изголовье моей кровати, натягивает на себя одеяло, будто пытается спрятаться. Остальные трое стоят, орут все на всех, перебивают друг друга.

— Она его провоцировала, — кричит Лена.

— Давайте завтра это обсудим... — отвечает Славик.

— Успокойся, Ира, — командует Аристарх, — сейчас же уйдём, но только после того, как ты скажешь...

— Да пошёл ты! — визжит Ирочка. — Ты всё знал, тебе просто удобно было делать вид, что не знал!

Они ещё некоторое время орут друг на друга — четыре довольно пьяных человека. А у меня уже не остаётся сил орать, и я молчу.

Аристарх со Славиком вдруг пытаются драться. Я разнимаю. Получаю в скулу — не сильно, но обидно. Пару секунд думаю, не врезать ли в ответ. Не врезаю.

— Все! Вон! Отсюда! — громко и раздельно говорю я. — Это не ваша комната.

Лена, которая в последние три минуты истерично сообщала Ирочке, что та — шлюха, в какой-то момент выскакивает из комнаты и хлопает дверью. Славик подрывается за ней.

Аристарх, не сразу поняв, куда делся соперник, поворачивается лицом к кровати и кричит Ирочке, что она шалава, что он давно уже хочет её придушить, и, если он её ещё раз увидит, он... дальше не формулирует.

— Алё, Отелло... — я хлопаю его по плечу. — Давай без этого.

Он смотрит с удивлением на меня, потом что-то быстро соображает и уходит из номера, тоже громко хлопнув дверью.

Повисает звенящая тишина.

Или это звенит у меня в ушах?

Уже всё равно.

Мы остались вдвоём.

Я смотрю на Ирочку, она на меня.

— Славик не умеет любить, — говорит она зачем-то. Спокойно, с лёгкой пьяной грустью в голосе. — Пока это была игра, ему было весело. Но идти дальше — это явно не его.

Она сидит на кровати, свернувшись в комок и запахнувшись в гостиничный халат. Дышит прерывисто.

Я беру влажное полотенце, прижимаю к лицу, где болит скула. Саднит и пульсирует.

Полумрак. Четыре чужих человека только что отыграли странную пьесу в моей комнате. Драму, которую я не заказывал.

— Прости, — говорит она вдруг. — Можно я... останусь? Я без ключа от своей комнаты. И... мне как-то... страшно.

Я смотрю на неё. И понимаю, что ночь точно будет не такой, как я планировал.

5

Я наливаю ей в стакан воду из бутылки — тонкий пластик противно хрустит в руках.

Она садится на край кровати, ноги поджаты, волосы растрёпаны. Пьёт из стакана мелкими глотками. На щеке размазанная тушь. На лице — благодарность, смешанная с растерянностью.

— Я... если что, лягу в угол. Или на пол. Просто здесь... безопаснее, — говорит она.

Я качаю головой:

— Ложись нормально. Я не кусаюсь.

— А ты?

— А я устроюсь в кресле.

Разворачиваю кресло к окну. Это моя старая привычка, почти ритуал: смотреть из гостиной на огни за стеклом. Прислушиваться к звукам ночи в чужом городе.

Кресло скрипит, деревянные подлокотники обиты тканью, немного неудобно, но сойдёт. Я устраиваюсь, вытягиваю ноги на подоконник, вполоборота бросаю взгляд на кровать — она уже под одеялом, закуталась по самые глаза. То ли уснула, то ли притворяется.

За окном уже не летняя, но ещё не осенняя ночь.

Капли скользят по стеклу, фонари размываются в янтарные пятна. Из приоткрытого окна сквозь тонкую сетку тянет влагой, от которой не зябко, но немного липко. Где-то вдалеке слышен мотор, потом тишина. Только дождь, город и кресло, которое начинает медленно поглощать меня в ночи.

Я прикасаюсь к скуле. Там, где был удар. Будущий синяк глухо напоминает: в своей жизни ты не зритель.

В голове лица. Кира. Пенни. Эта вот Ирочка, заснувшая на чужой кровати.

Все они, кажется, хотели одного: чтобы их не бросали. Или чтобы не трогали. Или и то, и другое, но по очереди.

Ты думаешь, что любовь — это забота, а потом встречаешь тех, кто не хочет, чтобы о них только заботились. Или думаешь, что любить — это защищать, а потом встречаешь тех, кто не хочет, чтобы их защищали. А ты... ты всё это время пишешь письма в пустоту и не знаешь, что тебя всё это время читают и берегут, пусть и странным способом, и непонятно, от чего.

Я смотрю на стекло. Мой силуэт — размытый, почти призрачный. И я как будто говорю ему, без слов: «Знаешь, это может быть ошибка. Может, ты снова придумал лишнего. Может, это была не любовь, а просто попытка доказать самому себе, что ты не один. Может, коробка пуста. Но если ты не дойдёшь до конца, ты никогда не узнаешь. А значит, надо идти».

В комнате тихо. Ирочка спит. Фонарь за окном мигает. Где-то шумит кондиционер.

Я откидываюсь в кресле и позволяю себе, впервые за долгое время, не думать дальше.

Может быть, утром всё решится. Он спустится позавтракать — тот, мой двойник в красной куртке. С чемоданом, в котором лежит моё прошлое. И я просто должен быть там, на завтраке. Это единственное, что сейчас имеет смысл.

6

Утро наступает так, как оно обычно приходит в Столице — с шумом улиц и треском газонокосилок в ближайшем сквере.

Я просыпаюсь в половине седьмого. В кресле. Шея затекла, спина ноет от неудобной позы. За окном мягкий свет. Капли на стекле, будто темнота плакала всю ночь над моей драмой.

У противоположного от окна края кровати тихо сопит Ирочка, завернувшись в одеяло, как в кокон. Примятые подушка и запах, в котором больше перегара, чем духов.

Я медленно разминаю шею, иду в душ, умываюсь, бреюсь. Глядя на себя в зеркало, понимаю, что синяк на скуле просто так не спрятать. Отлично. Теперь я выгляжу не только как человек, у которого проблемы, но и как человек, про которого понятно, откуда они берутся.

Одеваюсь. Выхожу из номера с единственной задачей: увидеть его. Утро. Завтрак. Красная куртка. Всё просто.

Ресторан находится на втором этаже, за стеклянными дверями. В нём типичный отельный завтрак: подносы с яйцами, кастрюли с овсянкой, тарелки с сыром.

Кофе-машина шумит, как всегда, чуть громче, чем хотелось бы. Люди мелькают между столиками, кто-то с ноутбуком, кто-то с телефоном, кто-то просто меланхолично смотрит в тарелку.

Я оглядываю зал. Медленно, внимательно. Красной куртки нет.

Делаю круг по ресторану, всё ещё надеясь, что он просто сидит спиной. Что я просто плохо смотрю. Что просто нужно подойти ближе и рассмотреть. Но нет.

Подхожу к стойке, где официант в белой рубашке заполняет какие-то карточки.

— Простите, — говорю. — Не было ли тут человека... в красной куртке? Похожего на меня.

Официант поднимает глаза. Кивает, почти сразу.

— Был, да. Минут десять назад. Взял завтрак в пакет, сказал, что опаздывает на поезд. Просил собрать быстро — мы ему всё упаковали.

— Во сколько поезд? — спрашиваю.

— Он сказал, в восемь ноль три. Такси его уже ждало, он сразу уехал.

Я смотрю на часы. 07:22.

Конечно. Опять. Он уехал на несколько минут раньше. Он знал, куда. Он всё сделал и исчез.

Я беру кофе. Сажусь за пустой стол. На нём остались крошки от чьего-то завтрака.

Кофе тёплый, приятно обжигает ладони. Синяк на лице тихо пульсирует.

Я достаю телефон. Открываю расписание поездов.

В 8:03 из уходит только один. Один-единственный.

Конечно.

Не просто уехал — оставил мне зацепку. Судьба со мной играет честно, и у меня ещё есть шанс.

7

В номере уже всё по-другому.

Кровать аккуратно заправлена, подушки ровные, ни следа вчерашней драмы. Либо горничная пришла очень рано, либо Ирочка сама старательно стёрла следы своего присутствия. В любом случае — пусто. Ни записки, ни вещи, ни даже случайной шпильки на прикроватной тумбе. Только ощущение, что кто-то недавно здесь был. И ушёл так, как будто его не было вовсе.

На этот раз я не задерживаюсь. Сую вещи обратно в чемодан, бросаю взгляд в зеркало — лицо помятое, синяк начинает желтеть. Часы показывают 07:27. До вокзала минут двадцать, если повезёт. Если не повезёт, буду думать дальше.

Вызываю такси и выхожу.

Машина подъезжает быстро. Я сажусь, на ходу бросаю:

— Вокзал. побыстрее, если можно.

Водитель кивает и трогается без слов. Утренний город скользит в окне. Дождь почти закончился, но на асфальте всё ещё лужи — блестящие, как небрежно разлитая ртуть. Люди с зонтами переходят улицы, в кафе с летними верандами кто-то расставляет стулья, на мостах редкие машины, зелёные стрелки светофоров как будто говорят: «да, езжай дальше».

Я смотрю в окно. Дома, мосты, вывески. Всё немного размыто, как если бы город ещё не проснулся полностью. Усталость поднимается волной и отступает. Сейчас некогда. Потом.

Я думаю о коробке. Она где-то там, внутри чужого чемодана. Возможно, уже размещена на полке. Возможно, лежит под сиденьем. В любом случае она едет вперёд. А я — за ней.

Впереди проявляется вокзал.

Такси подъезжает. Я выхожу, платёж проходит автоматически, водитель кивает. Над входом в здание висят старые часы.

07:55.

Пять минут. Ещё можно успеть. Ещё ничего не потеряно. Или почти ничего.

Я поднимаю чемодан, перехватываю ремень сумки, иду внутрь.

В следующую сцену странной пьесы.

Глава 3. Одиссей

1

Оказывается, у нас ещё остались очереди у касс — в наш-то век покупок всего на свете через интернет. Мало того, эта конкретная очередь у кассы будто жила своей жизнью, размеренной и неторопливой, — никто здесь не спешил. И другим спешить не давал.

Табло над кассами: «Столица — Средневожск, отправление: 08:03».

Я мельком глянул на часы. До отправления — семь минут. Билет купить можно, но тогда точно не успею на перрон. А мне не билет нужен — мне нужно попасть в вагон, найти красную куртку и забрать коробку. Проводника как-нибудь уломаю. Или зайду с другой стороны. Или просто успею до закрытия дверей.

Я бросил чемодан у кассовой стойки и побежал.

Ноги несли сами, но на досмотре перед посадкой, как назло, была очередь. Женщина из-за монитора багажного сканера: «чемоданы на ленту, телефоны и ключи — в коробочку». Я переминался с ноги на ногу, глядя, как мой ноутбук, паспорт и ключи едут по ленте, а рамка пиццит из-за какой-то ерунды у мужчины впереди.

Ну наконец-то!

Перрон. Серый, влажный и гулкий. Я рванул вдоль состава, заглядывая в окна: кто-то уже читает, кто-то уже спит, а там — ага, вот он, мужчина в красной куртке. Заталкивает серый чемодан на верхнюю полку. Даже не заталкивает, а аккуратно укладывает. Я узнал чемодан. И куртку тоже узнал.

Подбегаю к дверям вагона и врезаюсь в плотную фигуру проводника.

— Билет, пожалуйста.

— У меня... Я просто... Мне надо на секунду, там мой брат.

— Посадка окончена. Прошу покинуть вагон.

— Слушайте, он сейчас уедет... Мне просто нужно передать...

— Не положено, — сказал проводник и приосанился, становясь плотнее и перекрывая проход массивным телом.

Я выдохнул, отступил на шаг и побежал обратно к окну. Там, где только что был.

Он уже стоял, облокотившись о край столика, и смотрел будто прямо на меня, но мимо, в пустоту. Так люди обычно в задумчивости смотрят в «никуда», в прошлое, которое не хотят отпускать, или будущее, которое не собираются встречать.

Я махнул ему рукой, одновременно думая, что веду себя абсолютно абсурдно.

Он даже не шелохнулся. Либо не видел, либо не захотел увидеть.

Поезд вздрогнул и потянулся вдоль перрона. Я пошёл рядом с окном, глядя на человека за ним и понимая, что он похож на меня почти как брат-близнец.

Поезд ускорился.

Я не стал бежать и остановился. В голове промелькнула мысль, что так старательно я никогда не провожал даже родственников.

2

Чемодан, как мы помним, остался стоять в одиночестве прямо у кассы, где я его бросил, надеясь успеть к уходящему поезду. Теперь рядом с ним стояли двое: полицейский и женщина из вокзальной службы, в железнодорожной форме. Оба смотрели на чемодан с настороженной серьёзностью.

— Можно я заберу свой чемодан? — Я протиснулся к своему багажу.

— Ваш? — Полицейский повернулся ко мне и сразу добавил: — Нельзя так. Оставленный предмет приравнивается... Ну, вы понимаете.

— Простите, — сказал я. — Было срочно...

Он бросил острый взгляд на моё лицо, не нашёл в нём ничего для себя интересного и, не сказав больше ни слова, развернулся к очереди. Я забрал чемодан и пошёл прочь.

В вокзальном кафе пахло кофе и выпечкой.

Я заказал сэндвич и большой капучино. Сел к окну и впервые с начала дня позволил себе никуда не бежать. Глотнул кофе, который показался слишком горячим, почти обжигающим, откусил сэндвич и задумался.

Открыл расписание поездов на телефоне. Вбил пункт назначения и чуть не рассмеялся. Следующий поезд был через два с половиной часа. Более дорогой, но зато более быстрый: он приходил в Средневожск всего на десять минут позже того, на который я не успел. Два часа разницы в пути и в два раза большая цена. Отличная иллюстрация тезиса «время — деньги». Правда, я не знаю точно, едет ли тот, кого я преследую, до Средневожска. Так что мой железнодорожный билет будет ещё и лотерейным.

Я купил билет и допил кофе. На языке осталась лёгкая горечь. Кафе постепенно заполнялось пассажирами, и я подумал, что есть смысл поискать на эти два часа более спокойное место.

3

Более спокойное место нашлось за тяжёлой дверью с матовым стеклом и надписью «Бизнес-зал».

Внутри было тише и немного прохладнее, чем в общем зале. Мягкие кресла, приглушённый свет, пара живых растений в кадках, столики с розетками. Телевизор на стене без звука показывал какие-то новости, внизу экрана бежала строка, до которой никому не было дела.

Я устроился у окна — так, чтобы видеть и зал, и кусочек неба. До поезда было чуть больше двух часов.

В бизнес-зале железнодорожного вокзала настоящие бизнесмены встречаются примерно так же часто, как настоящие столичные жители в очереди к Мавзолею. Основной контингент — пассажиры, которые готовы доплатить за тишину и спокойствие. Или люди с маленькими детьми, за которыми тут как будто уже не нужно особо присматривать. Чуть реже встречаются те, кому действительно нужно поработать, — они сразу занимают стол с розеткой, раскладывают ноутбук и принимают деловой вид. Отдельная каста — те, кто однажды посчитал, что два-три часа в бизнес-зале с халявным кофе, печеньками и бесплатным туалетом выходят дешевле, чем такая же сидячая жизнь в общем зале с платным капучино и очередью в сортир.

В общем, по итогу получается не элитный бизнес-клуб, а странное собрание людей, которые по-разному объясняют себе одно и то же желание — чтобы пару часов их никто не трогал.

Справа от меня сидела семья — родители и мальчишка лет десяти. Они играли в «Уно». Мальчик азартно шлёпал картами по столику, мать подглядывала в его руку, отец делал вид, что страшно серьёзен, но каждый раз, когда выкладывал «+4», у него дёргался уголок губ.

— Пап, ты жульничаешь, — говорил сын.

— Я стратег, — отвечал отец. — Это разные вещи. Жуликом быть плохо, а стратегом круто.

Они смеялись, спорили, пихались ногами под столом. Им было хорошо.

Чуть дальше девушка в светлом пиджаке уже в десятый раз фотографировалась на фоне стены. Точнее, на фоне фрагмента стены с лепниной и аккуратно восстановленными орнаментами девятнадцатого века. Она то поправляла волосы, то наклоняла голову, то меняла ракурс. Каждый кадр был почти таким же, как предыдущий. Но она упрямо искала в отражении камеры смартфона ту версию себя, которую не стыдно показать миру.

Недалеко от меня у невысокого столика напротив друг друга сидели двое. Неброско одетые, с одинаковыми серыми чемоданами. Они пришли вместе, сели в мягкие кресла, заказали кофе: ей — американо, ему — капучино.

За час они не сказали ни слова.

За второй — тоже.

Они не держали в руках телефоны, не смотрели телевизор, не читали. Просто сидели. Он — глядя в никуда поверх её головы. Она — с полуприкрытыми глазами, сквозь ресницы разглядывая его.

Я пару раз ловил себя на желании придумать для них сценарий. Разводящиеся, которые по привычке едут куда-то вместе? Или, наоборот, те, кто прошёл через столько бурь, что слова уже просто не нужны?

Иногда между ними происходило движение — он подносил руку к чашке, она в этот момент ставила свою, и их пальцы почти касались друг друга, но не касались. Это почти-прикосновение повторялось несколько раз, как ритуал. Ни один из них не дёргался, не отодвигался, не улыбался.

Им было нормально в этом молчании.

Я смотрел на них и поймал себя на том, что завидую им сильнее, чем тем, кто сейчас уезжает в отпуск в тёплые края.

Где-то внизу по громкой связи объявили отправление какого-то другого поезда.

4

Посадку объявили ровно в тот момент, когда в бизнес-зале мне стало слишком скучно. Я с облегчением собрал вещи, спустился вниз, прошёл к платформе и оказался в своём вагоне — столик, четыре кресла лицом друг к другу. Лучше бы, конечно, попасть на место без стола — и по ощущениям более приватно, и спать удобнее. Но уж как получилось.

Я закинул чемодан на верхнюю полку, сумку поставил под стол, сел у окна. Пока что за столом я был один.

Через некоторое время поезд тихо вздрогнул и пополз вперёд. За стеклом поехали рельсы, фонари, кусок пыльного рекламного баннера в тени забора.

Я откинул спинку и достал телефон. Но в какой-то момент понял, что читать не могу. Буквы расплываются, мышцы под глазами ноют, тело помнит ночь, проведённую в кресле под пьяный хор голосов из соседних номеров. Усталость медленно накрыла меня, и я провалился в сон.

Мне снился дом.

Стеклянный.

Стеклянные стены, стеклянный пол, стеклянный потолок. Ты идёшь по нему и всё время боишься наступить туда, где потрескалось, хотя трещин не видно. Вокруг за пределами здания — чёрная пустота, в которой иногда блеснёт какой-то свет, похожий на городские фонари.

Я блуждал по этим прозрачным коридорам и вдруг вышел в зал. Там был стол — тоже стеклянный, как витрина. На столе лежало яблоко. Ничего особенного: гладкое, золотистое, чуть более яркое, чем нужно. Но от него было такое ощущение, будто оно освещает комнату изнутри.

Вокруг стола стояли три женщины.

Они были одеты во что-то античное. Лёгкие хитоны, расшитые узорами калиптры, руки открыты.

Старшая подняла голову и посмотрела на меня так, будто меня давно ждали, а я опоздал.

— Ну наконец-то, — сказала она.

Она кивнула на стол.

— Его нужно отдать, — сказала она. — Одной из нас. Ты же знаешь, как это работает?

Я усмехнулся.

— В прошлый раз это слишком дорого всем обошлось. Так что нет, спасибо, — сказал я. — Давайте кинем жребий. Или разрежем на три части. Или... просто оставим здесь.

— Нельзя, — сказала та, с насмешливым ртом. — Это не так устроено. Его нельзя поделить. Можно отдать только целиком.

Я посмотрел на яблоко. Вокруг него уже собиралась какая-то вязкая тяжесть.

— Я не хочу выбирать, — сказал я медленно.

— Он уже выбрал, — сказала старшая.

Она резко ударила ладонью по столу и стекло под яблоком треснуло.

Удар не был сильным, но от него пошла трещина. Сначала по столу, потом по полу, потом по стенам. Тонкие ломаные линии побежали во все стороны, как молнии, только не сверху вниз, а изнутри наружу. Дом звенел, как огромный бокал, по которому провели пальцем. Яблоко сорвалось со стола и полетело вниз, в темноту, а женщины растворились в воздухе, оставив после себя только шелест ткани.

Я дёрнулся и проснулся.

5

Поезд мягко трясся на стыках. Я пару секунд не мог понять, где именно стекло: надо мной, подо мной или всё-таки сбоку. Потом фокус вернулся, и вместо треснувшего дома оказалось обычное вагонное окно, в котором отражалось уставшее лицо мужчины среднего возраста. Моё.

Я выдохнул и только тут заметил, что за столом я уже не один.

У того же стола, что и я, сидели трое женщин. Две помоложе, одна постарше. Все трое — в обычной одежде, никакой античности, джинсы, свитера, кроссовки. На столе между ними лежала коробка от айфона последней модели — белая, глянцевая, с картинкой ровно посередине, как маленький современный аналог яблока с Олимпа.

— Я же сказала, это мой, — говорила одна из младших, темноволосая. — Я форму заполняла.

— Ты форму заполняла, а номер телефона ты дала мой, — спокойно возражала та, что постарше. — На меня и пришло уведомление. Так что юридически это мой выигрыш.

Третья, самая молодая, светлая, откинулась в кресле и смотрела на них с ленивым удовольствием.

— Девочки, перестаньте, — протянула она.

Я невольно усмехнулся. Сон ещё не успел окончательно раствориться, и мозг цеплялся за совпадения.

Из обрывков их разговора я понял: кто-то выиграл телефон в розыгрыше то ли по номеру билета, то ли по какому-то промокоду, а теперь все трое яростно, но тихо, в полголоса, выясняли, кому он «по праву» достанется. Аргументы были серьёзные: кто оформлял, на чей номер пришло сообщение, кто первый увидел, кто в новом телефоне больше нуждается.

— Ладно, — сказала наконец самая младшая и вдруг перевела взгляд на меня. — Давайте спросим у мужчины.

Она сказала это так, будто мы с ней уже что-то обсуждали раньше. Улыбнулась открыто, почти нахально.

— Пусть он решит, кому айфон достанется, — добавила она.

Я чуть не рассмеялся вслух.

— Простите, — сказал я. — Но я бы предпочёл не вмешиваться. Это ваш выигрыш и ваш спор. Решать вы должны сами. Без меня...

— Как благородно, — хмыкнула темноволосая. — Умыть руки и пройти мимо.

— Стратегически безопасно, — согласилась самая старшая.

Младшая не отводила от меня взгляда. Потом чуть наклонилась к столу, положила пальцы на край коробки и едва заметно её подвигала.

— Мы, конечно, решим, — сказала она. — Как-нибудь. Без вас, да.

Она улыбнулась чуть шире.

Поезд начал сбрасывать скорость. За окнами промелькнул серый вокзал. Одна из станций по дороге к Средневожску, на которых останавливался наш скоростной состав.

Три женщины поднялись почти одновременно. Старшая аккуратно забрала коробку, младшие подхватили свои сумки. Они вышли в коридор, не оборачиваясь. Только самая молодая, уже у двери, бросила в мою сторону быстрый взгляд.

Я остался один у стола, глядя на пустое место, где недавно лежала коробка, и думал о том, что миф про Париса сильно недооценивают. Все помнят про красоту, спор богинь и войну. Но меньше всего говорят о том, что он, может быть, просто выбрал любовь. Правда, вместе с ней выбрал и руины Трои.

Поезд снова набрал ход. За окном тянулись леса, редкие домики, пустые платформы. Я смотрел в стекло, в котором снова отражалось моё лицо, и думал, что раз уж я сижу в этом вагоне, значит, свой выбор я сделал задолго до того, как мне приснился стеклянный дом.

6

Средневожск, как известно, город, который давно и успешно присоединил Иван Грозный. Но где-то глубоко внутри он всё равно помнит, что был когда-то заграницей. И до смешного часто пытается это демонстрировать.

Я вышел из поезда и через несколько минут оказался на привокзальной площади. Не особо уютной, но мне было не до уюта сейчас.

Шёл быстро, сканируя толпу. Искал красное пятно в общей сутолоке. Но красной куртки не было. Ни на площади, ни у дверей, ни у стоянки автобусов, ни у входов в метро.

Я вернулся, прошёл через главный зал вокзала, развернулся, опять вышел к площади, снова зашёл внутрь. И уже начал злиться на себя. На себя, потому что какой смысл злиться на человека, который по условиям задачи на полшага впереди?

И именно в этот момент я увидел серый чемодан.

Он стоял в кафе у стойки. Серый пластик, колёса, ручка. Я видел его всего несколько раз, но этого достаточно, чтобы узнать его здесь.

Я подошёл к стойке. Бариста — молодой парень, спокойный, как удав.

— Простите, — сказал я и кивнул в сторону чемодана. — Чья это вещь?

Он посмотрел туда, потом на меня.

— Мужчина оставил, — сказал он. — Попросил присмотреть. Сказал, что вернётся через час.

— В красной куртке? — спросил я.

Парень слегка улыбнулся.

— Да. Красная. Он... спешил.

Я кивнул.

— Тогда капучино, пожалуйста, — сказал я. — Большой.

Я взял стакан, сел так, чтобы чемодан был у меня в поле зрения, и впервые за долгое время попытался просто ждать.

Капучино был тёплый и плотный, с густой сладковатой пенкой. Спокойный как удав бариста знал толк в кофе.

Я делал глотки и считал: пять минут, десять, пятнадцать. Иногда в кафе заходили люди, чемоданы катились по плитке, кто-то смеялся, кто-то ругался в телефон, кто-то спрашивал дорогу. Чемодан стоял на месте. Мир, кажется, впервые за всё путешествие надо мной не издевался.

И именно поэтому мне вдруг понадобилось в туалет.

Я вздохнул, поставил стакан на стол, ещё раз посмотрел на серый чемодан и пошёл по указателям. Дорога заняла меньше минуты. Чисто, светло, пахнет мылом и каким-то ароматизатором.

Сколько меня не было? Минуты три?

Когда я вернулся, первое, что я увидел, — пустоту.

Тот самый кусок пространства у стойки, где стоял чемодан, был теперь просто... куском пространства. Как будто там никогда ничего и не было. Ни серого пластика, ни ручки, ни потёртых колёсиков.

Я подошёл к баристе.

— Чемодан, — сказал я. — Он только что был здесь.

Бариста не удивился.

— Он вернулся, — сказал парень. — Забрал. Взял кофе с собой. И уехал в аэропорт.

— В аэропорт? — переспросил я, давя в себе ощущение «я так и знал».

— Да. Он вызвал такси, — сказал бариста. — Вы тоже вызовите. Только на стоянке у вокзала не берите — будет очень дорого.

Конечно. Все знают: для привокзальных таксистов в аду есть специальная сковородка, на которой их поджаривают на моторном масле.

Я кивнул, выдохнул и почувствовал знакомую смесь злости и смеха от происходящего абсурда. Стоило уйти на минуту — и именно в эту минуту моя коробка писем поехала в аэропорт. Кажется, начиналась новая глава моего путешествия.

— Спасибо, — сказал я. И пошёл.

Вышел на площадь. Автобусы, люди, влажный камень. Где-то рядом должна быть стоянка такси. Где? Я покрутил головой, но ничего не увидел.

Я достал телефон и поймал себя на том, что улыбаюсь.

Ладно, судьба, подумал я. Буду играть по твоим правилам.

Машина приехала быстро, и в этом было что-то почти обидное. Я ещё не успел как следует разозлиться на себя за минутную слабость — поход в туалет, — а мне уже подогнали новый шанс.

Такси было самым обычным. Водитель — татарин лет пятидесяти, сухой, спокойный.

— В аэропорт, — сказал я.

Он кивнул, не задавая вопросов.

Мы выехали с площади, и город потёк мимо. Где-то блеснуло окно трамвая, где-то мелькнули вывески, где-то потянулась полоса воды.

«Он уже выбрал», — всплыло в голове. Голос женщины из сна.

Я усмехнулся.

Телефон завибрировал в кармане, когда такси выруливало на проспект. На экране было: «Пенни».

— Ну как ты там? — спросила она без разгона.

— Я в Средневожске, — сказал я.

Пауза была короткой.

— Ого, — сказала Пенни. — Средневожск. Нормально ты так. А похититель чужого прошлого где?

— опережает меня на шаг.

— Он бы хоть раз опоздал, из вежливости, — сказала она. — Ладно. Удачной охоты тебе. Куда дальше?

— Пока не знаю.

— Это мне нравится, — сказала Пенни сухо. — Планирование уровня «полагаюсь на Апокалипсис». Тогда давай так: если завтра проснёшься на Луне, помашки мне рукой.

— Обязательно.

— Договорились. Береги себя, — сказала она. И добавила чуть тише: — И не делай вид, что тебе всё равно.

— Я постараюсь, — сказал я.

Она фыркнула, и на этом мы попрощались.

Такси выехало на трассу. Город стал редеть, огни вытянулись в линию, небо стало сереть.

Я поймал своё отражение в боковом стекле: ввалившиеся глаза, синяк. Почему-то это уже не напрягало.

Вдалеке показались первые указатели на аэропорт.

Глава 4. Одиссей

1

Аэропорт Средневожска, как любой другой из современных, встретил меня стеклом, металлом и каким-то слишком уж по-хирургически ярким и равномерным освещением. Всё было стерильно и абсолютно безлико, от хромированных поручней до безупречных надписей на русском, английском, татарском и китайском.

Я вошёл в зону регистрации и почти сразу его увидел. Точнее, его красную куртку.

Он стоял у стойки, спиной ко мне. Серый чемодан уже стоял на ленте. Девушка за стойкой что-то неторопливо вбивала в компьютер. Картина в духе вечного аэропортового контраста между спешащими пассажирами и неторопливыми сотрудниками.

Впрочем, сейчас мне это было на руку.

Я бросил свой чемодан — он провернулся на колёсиках и шумно упал — и побежал. Сумка била по боку, ремень врезался в плечо. Расстояние между нами сокращалось: двадцать метров, пятнадцать, десять.

Именно тогда я почувствовал на себе взгляд.

Двое в чёрной форме стояли у колонны. Я их не заметил раньше, потому что смотрел не туда. Рации, кобуры, непроницаемые лица. Они не кричали. Просто шагнули мне навстречу и подняли ладони — спокойно, как люди, которые делают это по несколько раз в день.

Я остановился. Сердце билось где-то в горле.

— Документы, пожалуйста, — с лёгким татарским акцентом.

Я открыл портфель, развернул его так, чтобы охранник мог заглянуть внутрь, достал паспорт. Руки дрожали чуть сильнее, чем нужно. Один из них взял документ, второй изучающе смотрел на меня.

Я повернул голову к стойке.

Его там уже не было. Красная куртка двигалась к эскалатору.

Мне вернули паспорт и кивнули на мой упавший чемодан.

— Не разбрасывайте вещи, пожалуйста.

Я вернулся, поднял его и уже без плана, просто по инерции пошёл в сторону стойки. Остановился. Захотелось выпить воды, умыться, позвонить.

На табло горела строка: Хексенберген. Регистрация ещё шла.

Я усмехнулся. Прикинул, как выгляжу сейчас — растрёпанный, вспотевший, с желтеющим фингалом на скуле. Человек, у которого «всё под контролем».

Перевёл взгляд на эскалатор. Мужчины в красной куртке уже не было. Он отправлялся в путь, чемодан отправлялся в путь, и моя коробка, если она всё ещё была там, тоже отправлялась в путь. В город со странным немецким названием.

В этом странном путешествии всё время что-то срывается в последний момент. Но срывается не окончательно, а будто из-за того, что пока слишком рано... Вот и сейчас я опять знал, куда он летит.

2

На прямой рейс в Хексенберген билетов уже не было. Девушка в синей форме смотрела на меня с вежливым сочувствием.

— Только с пересадкой, — сказала она. — Через Город дождей.

То есть я опять окажусь рядом с домом, но снова не успею выскочить из аэропорта, как придётся лететь дальше. Конечно. Почему бы и нет?

Я улыбнулся.

— Конечно. Почему бы и нет?

Девушка кивнула.

— Багаж сдаёте?

— Да, — сказал я. — Чемодан. Сумка с собой.

И поставил чемодан на ленту.

Прошёл в зону вылета. Шёл не спеша, сканируя лица, фигуры, куртки.

Он мог быть здесь.

Скорее всего, уже сдал чемодан, но всё равно где-то рядом. Может, сидит у окна с чашкой кофе, или ходит туда-сюда по магазину, разглядывая магнитики с гербом Средневожска. Может, заглядывает в книжный.

Я поймал себя на том, что почти не моргаю. Глаза уже начинали слезиться.

Если бы это было кино, я бы заметил его в последний момент, воскликнул драматически: «Вот ты где!» — и начался бы диалог. С дракой или чем-то ещё, но вполне конкретным, определённым.

Но это не был фильм, поэтому я так никого и не увидел.

Впрочем, залы ожидания не зря так называются. Буду ждать.

Выбрал место недалеко от выхода на посадку на прямой рейс в Хексенберген и уселся. Не хотелось бегать по всему залу в последний момент, хотелось просто дожждаться.

Я сидел и сканировал лица: может быть, он просто пройдёт мимо; может быть, сядет на соседнее кресло; может быть, всё наконец произойдёт.

Вместо этого появилась группа студентов. Человек двадцать, неоновые-яркие, громкие, с рюкзаками, чемоданами и буйной энергией молодости.

Они все летели в Хексенберген. На какой-то дурацкий фестиваль магии, судя по словам парнишки в бейсболке, который ими командовал.

Я давно перестал завидовать блеску в глазах всяких ролеви́ков и им подобных поттероманов. Когда-то он казался мне признаком того, что человек пытается жить в мире, где правила честны и чувства чисты. Но потом стало понятно, что чаще всего этот блеск в глазах — просто хорошо натренированная способность верить в то, чего нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.